

**«Евразийский соблазн» Дмитрия Чижевского
и его исторические контексты**

Проблема роли и взаимоотношения Запада и Востока в культуре России никогда не вставала с такой остротой, как во времена евразийского движения. Это обусловлено несколькими причинами: во-первых, переосмыслением наследия и извечного спора славянофилов и западников, во-вторых, тогдашним осмыслением опыта большевистского переворота 1917 г., в-третьих, судьбами русской эмиграции, в-четвертых, попыткой соединения науки и идеологии, в-пятых, наконец, разными проектами нового будущего, и не только для советской России. Но перечисленными аспектами не исчерпывается специфика *противопоставления* Запада и Востока в русской культуре, истории, литературе и даже русской эстетике 1920–1930-х гг. Интерес к петровской эпохе, который в это время возник у литературоведов (Ю. Тынянов, Г. Гуковский, Л. Пумпянский), попытки по-новому сопоставить императора Петра I и царевну Софью в литературе (знаменитое цветаевское: «за Софью – на Петра!», «родоначальник – ты – Советов»), аналогии между эстетикой классицизма и зарождающейся/утверждающейся эстетикой социалистического реализма – все это побуждало к осмыслению проблемы Востока и Запада в русской культуре в новых исторических условиях. Начавшаяся в XVIII в. практика освоения Запада получает новое объяснение и новую интерпретацию в теоретической рефлексии евразийцев.

В истории России евразийство было и остается весьма странным явлением как с точки зрения своей идеологии, так и в плане общей оценки наследия тех ученых и мыслителей, которые принимали или принимают в этом движении (явлении)

участие²³. С одной стороны, идеология евразийства хорошо изучена, прокомментирована, часть материалов издана, и, казалось бы, сегодня мы уже имеем более или менее объективное научное представление о евразийстве как одном из самых масштабных явлений в русской мысли первой половины XX в. С другой стороны, масса «околоевразийского» материала, который не только напрямую связан с идеологией евразийства, но и может помочь по-новому увидеть многие другие аспекты в истории развития русской культуры, остается в тени, и историки евразийства не считают нужным к нему обращаться. Евразийский дискурс Д. Чижевского принадлежит именно к такого рода материалу, и чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с составленным Л.Г. Филоновой библиографическим указателем [Филонова 2011].

Осмысливая евразийские идеи, в том числе и те, которые интересовали Чижевского, с перспективы сегодняшнего дня, мы должны отметить не столько их разнообразие, сколько невозможность их сведения в логическую мировоззренческую систему. Изучение материалов по истории евразийского движения в очередной раз ставит нас перед вопросом о том, была ли идеология евразийства *общим* мировоззрением для целого ряда его представителей, или же мы имеем дело с разными – очень талантливыми и выдающимися – мыслителями, каждый из которых по-своему понимал историческую сущность и перспективы географического и исторического места России между Азией (Востоком) и Европой (Западом). Понятно, что обозначенное таким образом *место* соотносимо одновременно с разными аспектами истории России, а также с литературой, культурой, музыкой, религией, философией: от идей панмонголизма до присущей России экспансии в плане расширения географического пространства по принципу московской центрбеж-

²³ Судя по разнообразным дискуссиям в Интернете, а также учитывая специальные тематические сайты, евразийство и сегодня можно рассматривать как живое идеологическое и культурное явление в России, имеющее отчасти политические, отчасти культурологические оттенки.

ности. В свете сказанного приходится, очевидно, согласиться с выводами современных исследователей:

Составляющие элементы евразийства в своем сочетании представляют взрывчатую смесь самых разнородных и часто несовместимых идей. Вместо системы евразийство явилось калейдоскопом взглядов по вопросам о судьбах и путях России. Однако в научной и религиозной эклектичности, в идейной всеохватности евразийства содержалось бродильное зерно мысли, действенная сила которого до сих пор не иссякла [Казнина 2003: 282].

Личность Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977), видного слависта и интеллектуала, мыслителя и издателя, исследовавшего духовную культуру практически всех славянских народов, сегодня, очевидно, не нуждается в специальном представлении – наследие ученого постепенно входит в круг интересов филологов и философов. Забегая вперед скажу, что для Д. Чижевского осмысление евразийства было задачей чрезвычайно важной: к решению *евразийских* по своему содержанию проблем ученый обращался несколько раз в жизни, создавая фундаментальные работы, посвященные духовной жизни России, отношениям России и Запада, истории русского гегельянства, русских славянофилов и западников. Отметим также, что расцвет собственно философского творчества Чижевского по времени совпал с эпохой утверждения евразийского движения, его подъемом и упадком. Поэтому понятно, что ученого интересовали все основные концепции евразийцев, он дружил и переписывался с Романом Якобсоном [Blashkiv, Mnich 2016], Георгием Флоровским [Янцен 2012], Николаем Трубецким [Янцен 2010].

Название работы Георгия Флоровского «Евразийский соблазн», напечатанной в 1929 году в «Современных записках» и вынесенной в заглавие нашей статьи, в последнее время эксплуатируется очень широко в разных семантических аспектах, в публикациях так или иначе посвященных евразийству или же истории России в XX в. Напомню, что в этом тексте Г. Флоровский не столько

подводил итоги евразийства, сколько писал о нем как об «истории духовной неудачи», подчеркивал, что «нельзя замалчивать евразийскую правду», но это «правда вопросов, а не правда ответов» [Флоровский 1998: 311]. Для русских дискуссий 1920–1930-х гг. во всех областях гуманитарного знания весьма важной была подмеченная философом «правда вопросов», которая свидетельствовала прежде всего о том, что представители евразийства увидели *реальные* исторические проблемы и открыли соответствующую дискуссию. Но основной пафос статьи сводился к тому, что «евразийство не удалось», «вместо пути предложен тупик»: тем самым отрицались ответы евразийцев на поставленные вопросы, но сами вопросы отнюдь не снимались.

На фоне приведенных цитат из статьи Г. Флоровского соотношение понятия «евразийский соблазн» с творческим наследием Дмитрия Чижевского выглядит закономерным и символическим одновременно. Закономерным, ибо Чижевский был лично знаком практически со всеми известными деятелями евразийства, а с некоторыми, как я уже упоминал, у него были достаточно близкие отношения, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Назову здесь хотя бы Николая Трубецкого, его идеи об идеократии, о которых речь пойдет впереди, и его определение основной задачи евразийства: *«пересмотр с этой точки зрения современных политических течений и возможностей во всем мире», «установление связи со всеми родственными течениями разных стран и воздействие на них в смысле унификации их идеологии с целью создания четвертого интернационала»* [Селивестров 2009: 45]. Для бывшего меньшевика Чижевского такие задачи, понятно, были весьма актуальными, и ниже я вернусь еще раз к проблеме идеократии, которой Д. Чижевский посвятил отдельный текст. При этом сам вопрос о политических партиях, а также их роли в обществе и идейной сущности, интересовал ученого как в плане ретроспективном, так и в перспективе будущего, о чем Чижевский также написал специальную статью «На темы философии истории» [русский

перевод см. Янцен 2009]. Но «евразийский соблазн» и символичен для нашего ученого, потому что идеи и мысли Чижевского очень часто пересекались (слово *совпадали* здесь вряд ли уместно) с идеологией представителей евразийства. Подчеркну особо, что один из текстов (под псевдонимом А. Портнов) Чижевский опубликовал в «Евразийских тетрадах» даже в 1935 году, когда евразийство уже переживало кризис и искало новых путей развития, предлагая разнообразные проекты как ответ на вышеупомянутые вопросы Г. Флоровского.

В связи со сказанным отмечу, что наши сегодняшние интерпретации евразийского движения и сегодняшнее осмысление событий 1920–1930-х гг. во многом зависят от того, наследие какого конкретного представителя евразийства мы изучаем. В отношении славистики, в границах которой нужно рассматривать тексты Чижевского, важны прежде всего два имени – Романа Яacobсона и Николая Трубецкого. Евразийское наследие обоих этих мыслителей подтверждает сочетание в их текстах по крайней мере трех тенденций – идеологической, научной и политической. Эти тенденции по-разному соединялись в каждом отдельном случае, образуя иногда весьма парадоксальный симбиоз, как, например, «аристократический православный национализм» Н. Трубецкого или «революционный, авангардистский и еврейский космополитизм» Р. Яacobсона²⁴. Таким же парадоксальным образом в Советском Союзе реализовывались идеи евразийцев, о чем современные исследователи пишут следующее: *«Сталин к 1920 г. с безукоризненной точностью реализовал евразийскую программу Трубецкого в виде СССР;*

²⁴ Ср. в этом же плане: «Трубецкой был романтический националист во имя Господне (как романтик, он любил одновременно православного Бога и экзотичного Чингисхана и мучился от непримиримости этих идеалов), он пришел к лингвистике от этнософии – из желания понять культуру; а Яacobсон пришел к лингвистике от футуризма, от желания творить культуру. На лингвистическом рационализме они сошлись и создали самую стройную и трезвую научную концепцию XX века. Но для Трубецкого язык оставался средством самовыражения культуры, а для Яacobсона – средством взаимообогащения культур» [Автономова, Гаспаров 1999: 336].

и Сталин к 1940 г. точно также реализовал славистические поправки к ней Якобсона в виде системы стран народной демократии. И обе эти реализации очень сильно компрометировали исходные идеи» [Автономова, Гаспаров 1999: 338].

Если мы зададимся вопросом, почему изучение евразийства сегодня весьма проблематично, особенно в плане соотношения идей и концепций ведущих евразийцев – Петра Савицкого, Николая Трубецкого, Георгия Флоровского, Петра Сувчинского, то первый ответ довольно прост: нет словаря евразийской терминологии, а без него сопоставлять идеи и концепции представителей этого течения очень трудно, порой и невозможно. Ведь такие магистральные понятия, как раса, культура, миграция культуры, нация, понятие «симфоническая личность» каждый из упомянутых мыслителей употребляет по-своему. Дмитрий Чижевский в этом плане, вообще, как бы выпадает из контекста, и изучение его опубликованных и неопубликованных (архивных) материалов под таким углом зрения, то есть на фоне понятийного словаря евразийцев – дело будущего. Кстати, сами евразийцы обращались к Чижевскому за помощью при поисках новой терминологии, соответствующей их идеологии, считая его специалистом в области философии понятий и терминов; этот факт известен из часто цитируемого письма Н. Трубецкого к Д. Чижевскому [Янцен 2010: 289–290].

В связи со сказанным отмечу также, что сегодняшние исследования евразийства в лингвистическом ракурсе подтверждают очень интересные выводы о связи магистральных понятий структурной лингвистики с идеологией евразийства. Швейцарский лингвист Патрик Серио в специальной «евразийской» главе своей книги, посвященной истокам структурализма, пишет: *«Понятие структуры, которое прорисовывается в работах “русских пражан” межвоенного периода, приобретает новый смысл, если сопоставить его с ключевыми идеями системы и органической целостности в евразийском движении – как его непосредственном идеологическом обрамлении»* [Серио 2001: 59;

см. также Савицкий: 2011]. Отмеченные в приведенной цитате «новые смыслы», касаются, конечно, и целого ряда других понятий структурной лингвистики, особенно тех, которые соотносимы с терминологией евразийцев.

Еще одно замечание в связи с нашей темой касается наследия отдельных представителей евразийства. Насколько Петр Савицкий, Петр Сувчинский, даже Лев Гумилев всем своим творчеством вписываются в евразийскую концепцию, настолько же трудно соотносить идеологию евразийства *со всем корпусом индивидуальных текстов* таких мыслителей, как, например, Николай Трубецкой или Роман Якобсон. Достаточно привести цитаты из писем Н. Трубецкого, чтобы убедиться, что евразийство для этого русского филолога на фоне всего его научного творчества было лишь обузой, чем-то случайным и необязательным. 10 марта 1928 г. Н. Трубецкой, в частности, писал П. Сувчинскому:

Вы себе представить не можете, до какой степени мне все это осточертело. У каждого свое призвание. Мое призвание – наука... Занимаясь писанием всего этого евразийского кошмара, я чувствую, что мог бы все это время и труд с гораздо большею пользой (и для себя, и для других) потратить на науку, что отнимаю время от науки. <...> Если бы Вы только знали, каким тяжелым бременем лежит в моем сознании этот постоянный балласт евразийских обязательств, как он мешает моей научной работе. Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компенсаций. Поймите, что в глубине души я его *ненавижу*, и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать [Трубецкой 1995: 777–778] (курсив Н. Трубецкого – *Р. М.*).

В свете приведенной цитаты, конечно же, возникает сомнение в *искренности* евразийской идеологии, не говоря уже о вопросе, какую роль евразийство играло в научной судьбе самого Н. Трубецкого. Аналогичные сложности хорошо видны и на примере того, как творчество Николая Трубецкого воспринималось

Чижевским. В 1939 г. в «Современных записках» Чижевский опубликовал обширный некролог Трубецкому, в котором он писал:

Николай же Сергеевич стал известен широким слоям русской публики как один из основателей «евразийства»; между тем «евразийство» Трубецкого типично для него, как выражение его оригинального подхода к каждому вопросу – и не так уж характерно для Трубецкого как ученого <...>. Идеи Трубецкого созвучны весьма «современным» течениям: например, феноменологии или Gestaltpsychologie или гегельянству [Чижевский 1939: 464, 468]²⁵.

Не останавливаясь специально на дискуссиях, касающихся истории евразийского движения, его периодизации или споров вокруг последнего евразийца – Льва Гумилева, я хотел бы отметить следующее: Д. Чижевский очень внимательно следил за евразийской литературой, но высказывался о евразийстве со стороны, как независимый наблюдатель, не принимая активного и непосредственного участия в дискуссиях евразийцев, за исключением статьи, речь о которой ниже. Нужно также подчеркнуть, что имя Д. Чижевского сегодня не упоминается в публикациях, посвященных евразийству, хотя его высказывания и тексты, в которых затрагивается евразийская проблематика, чрезвычайно интересны.

В контексте рассматриваемой нами проблемы мы можем также отдельно поставить вопрос о типологических и генетических связях целого ряда идей Чижевского с мыслями и идеологией евразийцев. Речь идет не только об общих идеях представителей Пражского лингвистического кружка, но и о научных концепциях евразийских историков, географов, теологов. В некоторых случаях эти совпадения просто поразительные. Петр Савицкий, например, в статье «“Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории» так определил основу евразийских

²⁵ Кстати, в этом же некрологе есть пассаж о Будапеште и венграх, которые, как считал Д. Чижевский, «особенно восприимчивы ко всяким новым течениям».

представлений о мире: «В основе евразийских представлений о мире лежит идея *периодической системы сущего*. Этим понятием евразийцы стремятся обозначить те черты *упорядоченности и ритма*, которыми пронизан весь подлежащий нам мир» [Савицкий 2018: 145] (курсив Савицкого – Р. М.). Такая идея ритма и упорядоченности парадоксальным образом напоминает концепцию Чижевского о периодичности культурно-исторических эпох, упорядоченной смене парадигм Аристотеля и Платона. Ученый считал, что развитие культуры и смена культурно-исторических эпох происходит между двумя полюсами, воплощающими эмоциональное и рациональное освоение мира: раннее средневековье в этом смысле родственно Возрождению, классицизму, просвещению и реализму, а позднее средневековье – эпохе барокко, романтизму и модернизму [см. об этом подробнее – Мних, Созина 2019].

Самый важный для евразийского соблазна Дмитрия Чижевского текст – это, конечно, упомянутая выше публикация в «Евразийских тетрадах» в 1935 г., представляющая собой ответы на известную евразийскую анкету – «Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству?» (с одновременным ответом на вопрос, возможна ли идеократия в России). Эта статья Чижевского была продолжением предыдущих публикаций (ответов других авторов на те же вопросы), она появилась, как я уже упоминал, под псевдонимом А. Портнов, но ученый сам всегда включал ее в списки своих публикаций, так что сомнений в авторстве быть не может [Портнов/Чижевский 1935²⁶]. Известно, что идеократия как форма правления государством была одним из фундаментальных концептов евразийцев, считавших именно власть идей необходимым условием для построения нового общества (частично идеократия была характерным явлением и для советского общества). Но в статье и размышлениях Чижевского для нас интересны также и другие мысли.

²⁶ В дальнейшем цитаты из статьи Д. Чижевского даются по этому изданию, орфография современная – Р. М.

Вспомним, что 1935 г. в истории Европы – это год дальнейшего утверждения диктатур в Германии, Италии, Советской России. В это время крепнет сотрудничество между Гитлером и Муссолини (создается известная ось Берлин – Рим), в России зарождается стахановское и так называемое виноградовское («рекорд Дуси и Маруси») движения, Германия возвращает себе Саарскую область и, вопреки Версальскому договору, наращивает вооруженные силы. Понятно, что в такой ситуации вопрос о государственном устройстве отдельно взятой европейской страны становится особо актуальным, ведь от него зависит будущее всей Европы. Потому концепция идеократии – власти идей в государственном устройстве – и становится актуальной. В статье 1928 г., озаглавленной «Идеократия и армия», Н. Трубецкой так объяснял идею идеократии:

Согласно евразийскому учению о правящем отборе, во всяком государстве непременно должен существовать п р а в я щ и й с т р о й, но основные признаки, по которым такой строй отбирается, не во всех государствах одинаковы. Существуют разные т и п ы о т б о р а – например, аристократический, плутократический, демократический и т. д., и сообразно с этим также разные типы государств. Тип отбора определяет собой не только тип государственного устройства, но и тип социального строения общества, тип народного хозяйства и культуры. Тот тип отбора, который, согласно евразийскому учению, ныне призван установиться в мире, и в частности в России-Евразии, называется и д е о к р а т и ч е с к и м и отличается тем, что основным признаком, которым при этом типе отбора объединяются члены правящего строя, является общность м и р о в о з з р е н и я» [Трубецкой 1995: 428] (разрядка Трубецкого – *P. M.*).

Интересующий нас текст Чижевского посвящен именно проблемам идеократии, вернее – сопоставлению условий, которые связаны с возможным утверждением идеократии в Европе и в России. В самом начале статьи автор оговаривает свою ситуацию, объясняя возможные «уклоны» в ответах тем, что он живет далеко от России:

Позвольте мне ответить на евразийскую анкету под моим личным углом зрения. Живу я в Европе, далеко от всех центров русской эмиграции, может быть в максимальном отрыве от современной русской жизни – в России и за рубежом – и некоторый уклон в ответе на поставленные вами вопросы понятен и неизбежен [Портнов/Чижевский 1935: 28].

Дальше Чижевский пишет о важном для Европы соотношении частной жизни и частных интересов с интересами государства в ситуации кризиса демократии:

Прежде всего: есть ли в современной Европе какие-либо элементы «идеократии» – вот вопрос, который меня интересует более всего. Может показаться – и утверждения, идущие в этом направлении я встречал, что неудержимый распад традиционной демократии, с ее тенденцией превратить «идеи» в «частное дело», в «личный вопрос» каждого индивидуума, должен неизбежно открыть путь господству каких-то (оставим в стороне вопрос об их ценности) «идей» – «мировоззрение фашизма», «национал-социализма» или просто «социализма» ставит, как кажется, во главу угла жизни европейского общества именно то, что было «частным делом» европейской единицы [Портнов/Чижевский 1935: 28].

Следующей важной мыслью Чижевского являются наблюдения, которые касаются кризиса идеологии в европейских государствах, когда желаемая идеократия вырождается в псевдоидеократию:

К сожалению, если присмотримся к жизни европейских государств, то нам придется констатировать, что элементов подлинной идеократии не найдется в ней ни на грош, а выступающие с претензиями на «идеократичность» формы оказываются целиком псевдоидеократиями. Уже сами внешние формы слишком глубоко укреплены в традициях демократии, с ее равнодушием к частному делу индивидуума: агитация и пропаганда, несмотря на всю грандиозность их размеров, сохранили чисто внешний характер: задачей их становится только та же – по внешности «благополучная» – видимость идейного един-

ства народа, которой с не меньшей настойчивостью стремилась достигнуть и демократия. По существу никого не интересует успех идеи, а только ее постоянное чисто внешнее – повторение, провозглашение, утверждение... «Идея» становится только внешним значком (да и носитися в виде такового в петличке) внешнего, принудительного «единства». Тирания с псевдоидеократическими украшениями – а не «идеократия» [Портнов/Чижевский 1935: 28–29].

Дальнейшие размышления Чижевского касаются уже роли вождей в современных государствах: в подтексте статьи подразумеваются и сравниваются, конечно, две фигуры – Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина. Причем в обоих случаях фигура вождя становится символом пустоты и лжи, а действия во имя вождя (лозунги одинаковые в этом смысле в Германии 1930-х гг. и в Советской России того же времени) – искажением идеократии:

В связи с этим стоит и то, что несомненно идеократическая форма социального бытия: «гегельянство», «руководительство» и категория «вождя» принимают тоже внешний, принудительный, пустой, лживый, внутренне-лживый характер. Вождя – вождей – «во имя идеи» не знает современная Европа. От масс требуется жить и действовать «во имя вождя»: максимальное искажение идеократии [Портнов/Чижевский 1935: 29].

В характерном для себя стиле Чижевский пишет и о высших силах, действующих в истории, указывая иронически, что даже черт не мог бы придумать того, что происходит в государстве в условиях диктатуры²⁷:

Но максимально существенно даже и не это. Исторический процесс определяется не только свободною волею и деятельностью людей, но и высшими силами. Не только «благие пожелания» и «добрая воля»

²⁷ Среди знакомых и друзей Чижевский был известен как человек, «верующий в черта», об этом факте существуют многочисленные воспоминания и высказывания людей, знавших ученого лично.

определяют будущее, но и отвечающая, отзывающаяся на них «благодать». Благодатность исторических событий не зависит от воли их участников. Европейские диктатуры – эта новая форма государственного строя – безблагодатны насквозь и до последней степени. Отсюда ничтожество (в большинстве случаев) или слабость или внутренняя неправда «вождей», отсюда же – беспримечное в истории человечества ничтожество «идей», ничтожных в своей борьбе за ограниченное и случайное, ничтожных в отстаивании жалких остатков вчерашнего исторического дня, но наиболее ничтожных в содержании, представляющем по большей части жалкие отрывки демократических принципов, урезанных и искаженных оговорками. «Идеи» европейских псевдоидеократий настолько ничтожны, что я отказываюсь считать их изобретением черта, – что с точки зрения моего мировоззрения было бы наиболее последовательно: черт все же создал бы нечто более глупое и существенное [Там же].

На таких мыслях заканчивается первая часть статьи, и дальше идут размышления на тему, «возможна ли идеократия в современной Европе?». На этот вопрос Чижевский отвечает утвердительно, но подчеркивает, что в таком случае нужны настоящие вожди и настоящие идеи: *«При появлении “вождей” (настоящих), при появлении “идей” (полноценных) или даже при оживлении, актуализации старых идей (например, христианских) – несомненно возможность такая есть»* [Портнов/Чижевский 1935: 30]. Но события в Европе утверждают ученого во мнении, что «возможность эта все уменьшается с каждым днем, все суживается базис, на котором может подняться идеократическое строение». Основной причиной, по которой возможность идеократии уменьшается, является, по мнению Чижевского, обыватель – «непритязательный, ограниченный (для книг нет места и даже газеты рассматриваются как бумага, а не слово), бескультурный, любитель скромных развлечений», который никогда не поднимется до идеи возделывания своего сада. Здесь же Чижевский проводит границу между фашистами и национал-социалистами, которые к этому времени еще не образовали в Германии идейного единства: «фашисты говорят зна-

чительно короче, чем национал-социалисты», поэтому фашисты убедительнее для обывателя [Портнов/Чижевский 1935: 30].

В завершение Чижевский напрямую отвечает на вопрос о возможности идеократии в Советской России, сравнивая при этом господствующий в России марксизм с господствующим в Германии национал-социализмом. Выводы ученого следующие:

Сейчас только еще несколько слов о том, есть ли предпосылки и возможность идеократии в России. Повторю: мои информации о России очень скудны, но вдумываясь в то, что мы все же знаем, хочется сказать одно: предпосылок больше, чем в Европе. Потому что господствующая в России «идея» («марксизм») при всей ошибочности своих предпосылок и ложности делаемых из нее выводов, все же – «система» – в противоположность строящимся и перестраивающимся с сегодня на завтра «идеологиям» «Новой Европы», потому что в марксизме есть каких-то 5% истины, а в «идеологиях» европейских (например, в теории расы) нет ни зерна истины (кстати, плоскость примитивного натурализма обща марксизму и «идеологии» национал-социализма, только натурализм последней еще грубее и плоше); наконец, конечно, идея социальной справедливости, стоящая за всеми теориями марксизма и оживляющая этот чужеродный продукт на русской почве, несравнимо выше идеи национального эгоизма, движущей европейскими диктатурами (а сейчас – отчасти – и демократиями). Развитие идеократии на почве идеи социальной справедливости мыслимо, на почве национального эгоизма – немыслимо и невозможно [Портнов/Чижевский 1935: 31].

Как видим, сравнение Чижевского – в пользу России, а привнесенный в Россию с Запада марксизм оказывается в глазах ученого «перспективнее» западноевропейского (немецкого) национал-социализма.

Приведенная статья Чижевского раскрывает только один (политический) эпизод связи ученого с идеологией евразийцев. Как было уже сказано выше, соотношений, сближений и перекличек между текстами евразийцев, с одной стороны, и очень богатым научным наследием Чижевского, с другой, достаточ-

но много. Сравнение научных идей ученого и концепций евразийцев в этом случае может затрагивать весьма разные уровни и аспекты: собственно мировоззрение, историко-культурные концепты, общую концепцию развития европейской и русской культур, наконец, роль Востока как для Запада, так и для России. Мы не можем, однако забывать, что для Чижевского вопрос о русском евразийстве был в большей мере вопросом об отношении России к Европе, нежели к Азии или Востоку, что и проявилось в многочисленных публикациях ученого, освещающих духовную историю России.

Литература

Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929–1953 // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М., 1999.

Казнина О. Евразийский комплекс идей в литературе // *Гачева А., Казнина О., Семенова С.* Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003.

Мних Р., Созина Е. Память культуры versus культурная память в научном наследии Дмитрия Чижевского // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63).

Портнов А. [Чижевский Д.] Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству? // Евразийские тетради. 1935. № 5.

Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М., 1997.

Савицкий Н.П. Пражский лингвистический кружок и евразийство // *Slavia*. 2011. № 2–3.

Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М., 2018.

Селивестров С.В. Н.С. Трубецкой в евразийском дискурсе: начало 1930-х годов // Славяноведение. 2009. № 4.

Сервио П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е годы. М., 2001.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. Вступительные статьи Н.И. Толстого и Л.Н. Гумилева. Составление, подготовка текста и комментарии В.М. Живова. М., 1995.

Филонова Л.Г. Евразийство в философско-исторической и политической мысли русского зарубежья 1920–1930-х годов. Библиографический указатель. Составитель Л.Г. Филонова. Окончание работы 2011 г. URL: http://olden.rsl.ru/datadocs/doc_4677ri.pdf. 07.01.2020 (дата обращения: 07.01.2020).

Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998.

Флоровский Георгий Васильевич. Под редакцией А.В. Черняева. М., 2015.

Чижевский Д. Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) // Современные записки. 1939. LXVIII.

Янцен В. Д. Чижевский. На темы философии истории [1925]. Перевод и комментарии В. Янца // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006–2007 (8). Под редакцией М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2009.

Янцен В. Письма Н.С. Трубецкого Д.И. Чижевскому (1934–1936) // Дмитрий Чижевский и европейская культура (Colloquia Litteraria Sedlcensia, tom IV). Siedlce, 2010.

Янцен В. Другая философия: переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926–1932, 1948–1972) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2008–2009 [9]. Под редакцией М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2012.

Blashkiv O., Mnich R. Дмитрий Чижевский versus Роман Якобсон (Opuscula Slavica Sedlcensia, tom VI). Siedlce, 2016.

Аннотация

Статья посвящена связям известного слависта и философа Дмитрия Чижевского (1894–1977) с евразийским движением в 1920–1930-е гг. Эта связь проявила себя в трех аспектах: 1) непосредственное знакомство и общение с представителями евразийства – Романом Якобсоном, Николаем Трубецким, Георгием Флоровским и другими; 2) публикации Д. Чижевского в «Евразийских тетрадах», 3) типологическое родство некоторых идей и мыслей Д. Чижевского с теориями евразийцев и их предшественников (Н. Страхов). Во многих работах Д. Чижевского мы встречаем общую оценку евразийского движения как идеологии русской эмиграции XX в., а также интерпретацию отдельных аспектов теории евразийцев и взглядов некоторых представителей евразийства. В своей теории историко-культурных эпох ученый оказался очень близким идеям Петра Савицкого о ритмах («подъемах» и «депрессиях») истории. Но для Д. Чижевского вопрос о русском евразийстве в большей мере был вопросом об отношении России к Европе, нежели к Азии.

Ключевые слова: Дмитрий Чижевский, евразийство, эмиграция, русская культура XX века, идеократия.

Summary

Roman Mnich

“Eurasian Temptation” by Dmitry Chizhevsky and its Historical Contexts

The paper focuses on the philosopher and Slavist Dmitry Chizhevsky (1894–1977) and discusses his ties with the Eurasianism of the 1920s–1930s. The connection presents itself in three ways: 1) direct acquaintance with such representatives of the movement as Roman Jakobson, Nikolay Trubetskoy, Georges Florovsky, etc.; 2) Chizhevsky’s publications in the journal “Евразийские тетради”;

3) typological similarities of Chizhevsky's ideas and those of movement's representatives and their predecessors (N. Strakhov). In his works, Chizhevsky expresses his own assessment of the Eurasian movement as the ideology of the Russian emigration in the 20th century as well as interprets some aspects of the Eurasianism and ideas proclaimed by certain representatives of the movement. Chizhevsky's theory of historical and cultural epochs turns to be similar to Piotr Savitsky's ideas about the rhythm in history ("rises" and "depressions"). For Chizhevsky, the Eurasian theory was about the relation of Russia to Europe rather than Russia's relation to Asia.

Keywords: Dmitry Chizhevsky, Eurasianism, emigration, twenty-century Russian culture, ideocracy.